

Профсоюзное единство

Эррико Малатеста

16 февраля – 16 марта 1925

Сегодня многие ощущают потребность прийти к «профсоюзному единству», то есть слить воедино в один крупный организм различные рабочие организации, которые, хотя и имеют общую цель защиты и борьбы против капиталистической эксплуатации, до сих пор были разделены и находились в борьбе между собой из-за различий в конечных целях, которые они перед собой ставят, и в предпочитаемых методах борьбы, а часто, к сожалению, из-за амбиций вождей и соперничества в вербовке сторонников. И уже был достигнут некоторый практический результат на пути к объединению, как, например, слияние Итальянского союза труда (Unione Italiana del lavoro) и некоторых белых¹ организаций Кремоны и Бергамо с Всеобщей конфедерацией труда (Confederazione generale del lavoro).

Я, даже если по этому вопросу мне придётся разойтись во мнениях с некоторыми товарищами, особо привязанными к одной достойной организации итальянского проле-

Эррико Малатеста
Профсоюзное единство
16 февраля – 16 марта 1925

Pensiero e Volontà, год 2-й, №4

ru.anarchistlibraries.net

¹ То есть католических, христианско-демократических.

тариата, более близкой к анархическим идеям и методам, желаю, чтобы объединительное движение продолжалось и развивалось, пока не охватит всех тех трудящихся, которые в той или иной степени и тем или иным образом чувствуют несправедливость, жертвами которой они являются в нынешнем обществе, которые хотят бороться против хозяев за улучшение своего положения и за освобождение и которые, понимая бессилие изолированного работника, ищут в солидарности со своими товарищами по классу ту силу, в которой нуждаются. И я хотел бы, чтобы наши товарищи приняли и, может быть, стали застрельщиками этой тенденции, которая в сущности представляет собой сокровенное желание того огромного числа трудящихся, которые чувствуют себя братьями со всеми, кто трудится и страдает вместе с ними, и не понимают причин тех или иных разделений и часто из-за этих разделений замыкаются в себе, разуверившись и испытывая отвращение, – не потому, разумеется, чтобы анархисты потакали методам руководителей Всеобщей конфедерации, но потому, чтобы они стремились утвердить пропагандой и примером те методы, которые считают лучшими, и прежде всего братались с массами, организованными в Конфедерации, и делали так, насколько это от них зависит, чтобы все трудящиеся были едины и солидарны в борьбе против хозяев.

Несомненно, что разделение лучшей части пролетариата между различными соперничающими и враждебными организациями растрчивает в междоусобной борьбе те силы, которые должны были бы все быть использованы на просвещение и на борьбу против общего врага; как несомненно и то, что это разделение было одной из главных причин, по которым пролетариат был разбит и подвергнут усиленному гнѣту именно тогда, когда казалось, что он находится накануне победы. Поэтому неотложно, чтобы все те, кто искренне и без личных целей желает возвышения

трудящихся и человеческого освобождения, сделали всё возможное для достижения желанного единства. И естественно, мы были бы горды, если бы наши товарищи, анархисты, отличились своим рвением в этом спасительном деле.

Но сможет ли осуществиться и продлиться это наше горячее стремление к единству? И каким образом? На каких условиях?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть общие причины, которые вызвали и всегда могут вызывать разделение в рабочей среде.

Ещё прежде чем трудящиеся массы подумали об организации для сопротивления капиталистической эксплуатации, отдельные наиболее сознательные личности и группы, взволнованные социальной несправедливостью, желающие уничтожить нищету и невежество со всей их вереницей материальных и моральных падений и всякого рода предотвратимых страданий, изобрели новые формы общественного сожительства, захотели действовать для осуществления желаемых преобразований и дали начало школам, движениям, партиям, которые работали и работают в виду более или менее отдалённого будущего, которое должно стать результатом чаемых улучшений и революций. И естественно, поскольку стремления различны и часто противоположны, и различны и противоположны средства, которыми, как считается, их можно осуществить, партий, выступающих за социальные преобразования, несколько, и если они могут при определённых обстоятельствах прийти к временному союзу для определённых целей, то не могли бы слиться, не отказавшись от идеальных оснований и практических целей своего существования.

Но прежде будущего есть настоящее; помимо идеальных стремлений есть непосредственные потребности, ко-

торые должны быть удовлетворены сегодня, не дожидаясь желанных будущих преобразований, и которые становятся тем больше и настоятельнее, чем больше возвышается и расширяется понятие, которое человек составляет о человеческой жизни, какой он хотел бы её видеть. Отдельный человек, предтеча и мученик, может пожертвовать идеальному будущему всякое настоящее благополучие, но невозможно, чтобы это сделала масса; и не было бы желательно, чтобы она это делала, потому что приспособление к нынешним страданиям, без бунта и усилий для их облегчения, вместо того чтобы подготовить и приблизить будущее освобождение, в конце концов сформировало бы поколения почти добровольных рабов, неспособных помыслить лучшую жизнь.

Из этой необходимости обеспечивать настоящие потребности, из желания улучшить свои условия и защититься от возможных ухудшений родился рабочий профсоюз, который есть союз тех, кто, лишённый средств труда и потому вынужденный, чтобы жить, позволять эксплуатировать себя тому, кто этими средствами владеет, ищет в солидарности со своими товарищами по несчастью силу для борьбы против эксплуататоров. И на этой почве экономической борьбы, то есть борьбы против капиталистической эксплуатации, было бы возможно и легко достичь единства класса пролетариев против класса собственников.

Однако политические партии, которые, впрочем, часто были инициаторами и первыми вдохновителями профсоюзного движения, захотели использовать рабочие ассоциации как поле для вербовки сторонников и как инструменты для своих особых целей революции или охранения нынешнего режима. Отсюда разделения внутри рабочего класса, организованного в различные группировки под вдохновением различных партий. Отсюда же намерение

Но тогда каков выход из этих трудностей, и какого поведения в этом вопросе должны держаться анархисты?

Для меня средство было бы таким: общее согласие и солидарность в чисто экономической борьбе; полная автономия индивидов и различных группировок в политической борьбе.

Но возможно ли вовремя увидеть, где экономическая борьба становится политической? И есть ли значимые экономические конфликты, которые вмешательство правительства не делает политическими с самого начала?

Во всяком случае, мы, анархисты, должны были бы нести свою деятельность во все организации, чтобы проповедовать там единство между всеми трудящимися, взаимную терпимость, автономию различных группировок, децентрализацию, свободу инициативы – в общей рамке солидарности против хозяев.

И не придавать большого значения тому, что мания централизации и авторитаризма одних и нетерпимость других ко всякой, даже разумной, дисциплине ведут к новым дроблениям. Ибо если организация трудящихся есть первостепенная необходимость для сегодняшних боёв и для завтрашних свершений, то существование и длительность той или иной определённой организации не имеют большого значения. Существенно, чтобы в отдельных людях развивался дух организованности, чувство солидарности, убеждение в необходимости братского сотрудничества для борьбы с угнетением и для осуществления общества, в котором все могли бы наслаждаться поистине человеческой жизнью.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

щей всех или хотя бы большую массу в общем интересе и желании, но которая всегда возрождается и нелегко решается, пока существуют условия насилия и различие мнений о способе сопротивления насилию.

Демократический метод, то есть метод позволять большинству решать и «оставаться дисциплинированными», не решает вопроса, потому что он тоже ложь и искренне отстаивается только теми, кто имеет или думает, что имеет большинство. Помимо того, что «большинство» – это всегда большинство руководителей, а не массы, воля которой обычно игнорируется или фальсифицируется, нельзя требовать и даже желать, чтобы тот, кто твёрдо убеждён, что большинство идёт по гибельному пути, пожертвовал своими убеждениями и пассивно наблюдал или, хуже того, оказывал содействие тому, что считает злом.

Говорить «позвольте делать и постарайтесь в свою очередь завоевать согласие большинства» – похоже на систему, принятую у военных: «потерпи наказание, а потом обжалуй» – и это неприемлемая система, когда то, что делается сегодня, разрушает возможность сделать что-то иначе завтра.

Есть вопросы, в которых следует приспособливаться к воле большинства, потому что ущерб от разделения был бы больше того, который произошёл бы от данной ошибки; есть обстоятельства, в которых дисциплина становится долгом, потому что уклониться от неё означало бы изменить солидарности между угнетёнными и означало бы предательство перед лицом врага. Но когда убеждён, что организация встаёт на путь, который компрометирует будущее и делает трудным исправление причинённого зла, тогда долг – восстать и противиться, даже рискуя вызвать раскол.

тех, кто хочет пролетарского единства, изъять профсоюзы из-под опеки политических партий.

Однако в этом провозглашённом намерении уйти от влияния политических партий, «исключить политику из профсоюзов», скрывается недоразумение и ложь.

Если под политикой понимать то, что касается организации человеческих отношений и, в особенности, свободных или принудительных отношений между гражданами и существования или отсутствия «правительства», которое берёт на себя государственную власть и пользуется социальной силой, чтобы навязывать свою волю и защищать интересы самого себя и того класса, из которого оно исходит, то очевидно, что эта политика входит во все проявления общественной жизни, и что рабочая организация не может быть действительно независимой от партий, не становясь сама партией.

В самом деле, сегодня, когда так много говорят о единстве, мы видим, что Всеобщая конфедерация, объявляя себя автономной от всех политических партий, стремится сама стать «партией труда», то есть политической партией со своими целями и своими особыми методами, которые в её случае были бы преимущественно парламентскими. Впрочем, не считая вопросов терминологии, всегда в действительности был партией Итальянский Синдикальный Союз (Unione Sindacale Italiana); как партиями или придатками, «людскими резервами» партий являются Итальянский союз труда и белые организации. Я не говорю о коммунистах, потому что они ясно заявляют, что хотят абсолютного подчинения рабочего движения своей партии. И не говорю о фашистских корпорациях, потому что это принудительные объединения, которые не имеют ничего общего с подлинными организациями пролетарского

сопротивления и обречены распасться, как только падёт режим, который сегодня угнетает страну.

Итак, тщетно надеяться, и для меня было бы плохо желать, чтобы политика была исключена из профсоюзов, поскольку всякий экономический вопрос сколько-нибудь важного значения автоматически становится политическим вопросом, и именно на политической почве, то есть в борьбе между управляющими и управляемыми, должен будет в конечном счёте решиться вопрос об освобождении трудящихся и о человеческой свободе.

И естественно, ясно, что так и должно быть.

Привилегированные классы, которые захватили все средства производства и пользуются ими, чтобы эксплуатировать чужой труд, не могли бы завоевать свои привилегии и не могли бы продолжать держать массы в подчинении, если бы не создали правительство, которое организует в их защиту материальную силу, способную жестоко подавить всякую попытку бунта. «Не отнимешь у человека хлеб, если сначала не отнял у него палкой возможность сопротивляться».

Капиталисты могут вести борьбу на экономической почве до тех пор, пока рабочие требуют мелких и обычно иллюзорных улучшений; но как только они видят, что их прибыль серьёзно уменьшилась и само существование их привилегий под угрозой, они взывают к правительству, и если оно недостаточно расторопно и достаточно сильно, чтобы их защитить, как в недавних случаях в Италии и Испании, они используют свои богатства, чтобы завербовать новые репрессивные силы и создать новое правительство, которое могло бы лучше им служить.

Следовательно, рабочие организации необходимо должны определить линию поведения по отношению к нынешнему или потенциальному действию правительств.

Можно принять установленный порядок, признать законность экономической привилегии и правительства, которое её защищает, и довольствоваться маневрированием между различными буржуазными фракциями, чтобы получить какое-то улучшение, как происходит в крупных организациях, не одушевлённых высоким идеалом, таких как Американская федерация труда и значительная часть английских тред-юнионов, – и тогда на практике становишься инструментом своих угнетателей и отказываешься от своего освобождения от рабства.

Но если стремишься к полному освобождению или даже если хочешь лишь окончательных улучшений, которые не зависели бы от воли хозяев и от превратностей рынка, есть только два пути, чтобы освободиться от правительственной угрозы. Либо овладеть правительством и обратить государственную власть, силу общества, вырванную и присвоенную правителями, на уничтожение капиталистической системы; – либо ослабить и разрушить правительство, чтобы оставить заинтересованным лицам, трудящимся, всем тем, кто так или иначе, ручным и умственным трудом, участвует в поддержании общественной жизни, свободу обеспечивать индивидуальные и общественные потребности так, как они считают лучшим, исключив право и возможность навязывать насилием волю одних другим.

Итак, как создать и сохранить единство, когда есть те, кто хочет использовать силу ассоциации, чтобы прийти к власти, и те, кто считает, что всякое правительство необходимо является угнетателем и бедствием, и потому хочет направить ту же ассоциацию на борьбу против всякого авторитарного института, настоящего или будущего? Как удержать вместе социал-демократов, государственных коммунистов и анархистов?

Вот проблема. Проблема, которую можно обойти в определённые моменты, при конкретной борьбе, объединяю-